

МИРОСЛАВА ВЕРЕСКОВА

ИРОНИЯ
СУДЬБЫ!
ДЛЯ ЗУМЕРОВ

Мирослава Верескова

Ирония судьбы для зумеров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72842572

SelfPub; 2025

Аннотация

Алина ненавидит Новый год. Для нее это лишь дедлайн, который нужно закрыть, чтобы получить повышение. Кирилл обожает Новый год. Для него это способ заработать на пиво, подрабатывая Дедом Морозом на корпоративах. В их вселенных нет точек пересечения. Кроме одной – тесного лифта в элитном бизнес-центре, который застревает за час до полуночи. Она – в строгом костюме и на грани нервного срыва. Он – в дешевой бороде из ваты и с фляжкой коньяка.

Содержание

Глава 1. Дедлайн в красном	4
Глава 2. Очень плохой Санта	18
Глава 3. Лифт вниз (и на дно)	31
Глава 4. Неловкое молчание и слишком много тела	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мирослава Верескова

Ирония судьбы для зумеров

Глава 1. Дедлайн в красном

Декабрь рычал за панорамным окном тридцать восьмого этажа голодным, серым зверем. Он швырял в бронированное стекло горсти колючего снега, выл в сочленениях стальной рамы, но внутрь прорваться не мог. Внутри, в личном кабинете Алины Воронцовой, царил стерильный, кондиционированный покой и запах дорогих амбиций – терпкая смесь эспresso, бумаги и ее парфюма с нотами бергамота, который стоил как месячная зарплата ее ассистентки.

Цифры. Кофе. Тишина.

Три кита, на которых держалась ее вселенная.

Алина откинулась на спинку эргономичного кресла, ощущая, как напряженные мышцы спины протестующе заныли. Кожаное чудовище за двести тысяч рублей тихо скрипнуло, принимая ее уставшее тело. Взгляд, сухой и колючий от двенадцати часов непрерывного смотрения в монитор, скользнул по экрану. Последняя ячейка в сводной таблице годового отчета. Ячейка G-247. Ее личный Эверест. Ее Голгофа. Ее пропуск в новую жизнь.

Подчиненные давно разбежались, щебеча про оливье и мандарины, оставив после себя в опенспейсе едва уловимый аромат шампанского и вины. Вины за то, что бросали своего руководителя в самый ответственный момент. Алина усмехнулась. Им было невдомек, что она сама выгнала их пинками, чтобы никто не путался под ногами. Чтобы ничто не отвлекало от священнодействия. От закрытия года.

Новый год. Она ненавидела это словосочетание. Для всего мира это была ночь волшебства, фейерверков и пьяных надежд. Для нее – всего лишь дедлайн. Жесткий, красный, как кровь, дедлайн, отделявший ее, старшего аналитика, от должности руководителя отдела. Виктор Павлович, ее прямой начальник и скользкий тип с повадками стареющего плейбоя, так и сказал две недели назад, похлопав ее по плечу чуть ниже, чем позволял корпоративный этикет: «Алиночка, закрой год с блеском, сведи все дебеты с кредитами так, чтобы комар носа не подточил, и кресло – твое. Считай, новогодний подарок от фирмы».

Подарок. Она знала цену этим «подаркам». Две недели без сна, тонны кофеина, влитого в организм, и полное отсутствие личной жизни, которой, впрочем, и так не было. Ее единственным партнером в последнее время был этот самый отчет – капризный, требовательный, высасывающий все соки. Но она почти кончила. С ним.

Пальцы – длинные, с идеальным нюдовым маникюром – зависли над клавиатурой. Последняя цифра. Момент истины. Она ввела ее, нажала Enter, и программа на секунду задумалась, пересчитывая сотни формул. Алина задержала дыхание. На экране загорелось зеленое «ОК». Все сходилось. До последней копейки.

Плечи обмякли. Она откинула голову назад, прикрыв глаза. Тишина в кабинете стала почти осязаемой, густой. Сквозь нее едва пробивался далекий гул города, готовящегося к празднику. Она чувствовала себя выжатой до последней капли. Брючный костюм цвета мокрого асфальта, сшитый на заказ, казалось, врос в кожу. Узкая юбка-карандаш, обычно подчеркивавшая идеальную линию бедер, сейчас ощущалась как испанский сапог. А шелковая блузка неприятно липла к спине. Она позволила себе одну-единственную вольность за весь день – расстегнула верхнюю пуговицу. Маленький бунт против собственного перфекционизма.

Нужно было отправить отчет Виктору Павловичу и валить из этого стеклянного аквариума, который она называла офисом. Она выделила файл, прикрепила к письму с сухой темой «Годовой отчет. Финальная версия» и уже занесла палец над кнопкой «Отправить», как дверь в кабинет тихо скрипнула.

– Алина Андреевна? Вы еще здесь?

На пороге стояла Катя, ее ассистентка. Двадцатитрехлетнее создание с наивными глазами и верой в новогодние чудеса. На ней был дурацкий свитер с оленями, а из ушей свисали сережки в виде елочных шаров, обсыпанных блестками. От нее пахло мандаринами и корицей. Этот запах ворвался в стерильный мир Алины, как пьяный дебошир в библиотеку.

– Как видишь, – голос Алины прозвучал более хрипло и устало, чем она ожидала. Она откашлялась. – Катя, я же сказала всем идти домой.

– Я знаю, но я телефон забыла, – Катя виновато улыбнулась, теребя в руках смартфон. – А потом увидела, что у вас свет горит... Я вам кофе принесла. С сиропом. Имбирный пряник. Для настроения.

Она поставила на стол большой бумажный стаканчик с рождественским рисунком. Запах имбиря и патоки ударил в нос, вызывая тошноту.

– Спасибо, Катя, но я не пью сладкий кофе.

«И не нуждаюсь в твоём навязанном настроении», – хотелось добавить ей, но она сдержалась. Девочка ни в чем не

виновата. Это у нее аллергия на всеобщее счастье.

– Ой, простите, я забыла, – Катя смутилась. – Вы такая молодец, Алина Андреевна. Все уже три дня как шампанское пьют, а вы работаете. Виктор Палыч вас точно повысит. Все в отделе только об этом и говорят.

Алина поморщилась. Пустые разговоры. Пока приказ не подписан, все это – лишь сотрясение воздуха.

– Разговорами сыт не будешь, Катя. Иди домой. Празднуй.

– А вы? У вас есть планы? – не унималась ассистентка.

Планы. Какие у нее могли быть планы? Принять горячую ванну, выпить бокал дорогого вина, которое она купила специально для этого момента, и отключиться. Забыть про цифры, дедлайны и Виктора Павловича с его сальными намеками. Идеальный Новый год.

– Грандиозные, – сухо бросила Алина, поворачиваясь к монитору. Это был ясный намек, что разговор окончен.

– Ну... тогда с наступающим! – щебенула Катя и, помахав рукой, выпорхнула за дверь.

Алина проводила ее тяжелым взглядом. Иногда ей казалось, что они с Катей принадлежат к разным биологическим видам. Одна – легкая, порхающая бабочка. Другая – глубоководная хищная рыба, привыкшая к давлению и темноте.

Она снова посмотрела на экран. Палец завис над кнопкой «Отправить». Это было похоже на нажатие красной кнопки. Запуск ракеты. После этого пути назад не будет. Она нажала. Полоска загрузки пробежала за долю секунды. Ушло. Ее годовой труд, ее бессонные ночи, ее будущее – все это теперь было в почтовом ящике Виктора Павловича.

Она позволила себе выдохнуть. Громко, со стоном. Потянулась, чувствуя, как хрустят позвонки. Тонкая ткань блузки натянулась на груди, очерчивая контуры дорогого кружевного белья. Она встала, подошла к панорамному окну.

Внизу Москва уже вовсю полыхала праздничными огнями. Гирлянды на деревьях, светящиеся инсталляции, бесконечные пробки из красных и белых точек-фар. Город гудел, предвкушая полночь. А она стояла здесь, на тридцать восьмом этаже, в полной тишине, и чувствовала себя абсолютно оторванной от этого всеобщего безумия. Чужой на этом празднике жизни.

Телефон на столе завибрировал. На экране высветилось

«Виктор Павлович». Сердце пропустило удар. Неужели так быстро?

– Слушаю, Виктор Павлович.

– Алиночка, голубушка! – голос в трубке был маслянистым и чересчур бодрым. На заднем плане слышалась музыка и смех. Корпоратив другого департамента, куда он укатил еще в обед. – Получил твоё письмо! Умничка! Золото, а не работник!

– Я старалась, – ровно ответила Алина, хотя внутри все сжалось в тугую комок ожидания.

– Я в тебе и не сомневался! Настоящая акула бизнеса, всех конкурентов порвешь! – он рассмеялся своей фирменной неприятной кхекающей скороговоркой. – Слушай, раз уж ты у нас такая ответственная и все равно в офисе, не могла бы ты заскочить ко мне в кабинет? Я там папку одну забыл, синюю, на столе лежит. А мне она с утра кровь из носу нужна будет.

Алина замерла. Его кабинет находился на сорок пятом этаже. В другом крыле башни.

– Виктор Павлович, но... – она хотела сказать, что рабо-

чий день окончен, что она выжата как лимон, что это не входит в ее обязанности. Но слова застряли в горле. Впереди маячило кресло руководителя отдела. Приходилось прогибаться.

– Алиночка, не будь букой! – его тон стал заискивающе-повелительным. – Тебе же не сложно? А я это запомню. Очень хорошо запомню, когда буду приказ о твоём назначении подписывать.

Шантаж. Дешевый, неприкрытый шантаж. Она стиснула зубы так, что заходили желваки.

– Хорошо, Виктор Павлович. Я занесу.

– Вот и славно! – промурлыкал он. – Тогда жду тебя после праздников уже в новом статусе! С наступающим, моя хорошая!

Он повесил трубку, не дожидаясь ответа.

Алина с силой сжала телефон в руке, пока пластик не затрещал. «Моя хорошая». От этого обращения по коже пробежали мурашки отвращения. Она ненавидела его. Ненавидела его покровительственный тон, его липкие взгляды, его гнилые методы управления. Но она была умнее. Она исполь-

зовала его, как и он ее. Это была просто сделка. Она ему – идеальный отчет и беспрекословное подчинение. Он ей – власть и независимость. А когда она получит свое, она сотрет его в порошок. С наслаждением.

Она бросила телефон на стол, подхватила сумочку и пиджак. Посмотрела на себя в темное стекло окна. Строгая, собранная женщина. Темные волосы собраны в тугой пучок, ни единого выбившегося локона. Бледное лицо, чуть тронутое усталостью. Темно-красная помада на губах – единственное яркое пятно, боевая раскраска. Взгляд хищницы. Она нравилась себе такой. Сильной. Непробиваемой.

Путь до его кабинета был как путешествие по мертвому кораблю. Пустые коридоры, темные опенспейсы, где на столах сиротливо мерцали гирлянды, забытые в спешке. Тишину нарушал лишь стук ее шпилек по керамограниту. Цок-цок-цок. Ритм ее раздражения.

Кабинет Виктора Павловича был вдвое больше ее собственного. Пафосный, безвкусный, с огромным дубовым столом и кожаными диванами. Он пах застоявшимся табачным дымом и дешевым одеколоном. Синяя папка действительно лежала на самом краю стола. Алина схватила ее, безглаголиво держа двумя пальцами, словно это быладохлая крыса.

Теперь – вниз. В холл. А оттуда – в подземный паркинг, к ее машине. К свободе. К заслуженному бокалу ледяного совињон блан.

Она вызвала лифт. В огромном холле сорок пятого этажа было четыре лифтовых шахты. Загорелась кнопка крайнего правого. Двери из полированной стали бесшумно разъехались, открывая нутро кабины, отделанной темным деревом и зеркалами. Алина шагнула внутрь.

В зеркале отразилась она – уставшая, злая, но не сломленная. Она нажала кнопку с литерой «Р1». Подземный паркинг, первый уровень. Двери начали закрываться. И в последнюю секунду, когда щель была уже не больше тридцати сантиметров, в нее кто-то ввалился.

Точнее, ввалился огромный красный мешок, а следом за ним – его владелец.

Это был Дед Мороз.

Нет, не так. Это был какой-то суррогат Деда Мороза. Дешевая версия с AliExpress. Красный халат из синтетического бархата, явно знававший лучшие дни. Борода из свалявшейся ваты, приклеенная криво и обнажавшая полоску колючей

щетины на подбородке. И запах. От него пахло хвоей, дешевым коньяком и мужским потом.

– Уф, успел! – выдохнул он, поправляя мешок и шапку, съехавшую набок. Голос у него был низкий, с приятной хрипотцой, совершенно не вязавшийся с идиотским нарядом.

Двери за ним закрылись, отрезая их от остального мира. Лифт плавно поехал вниз.

Алина отступила в дальний угол, стараясь увеличить дистанцию между собой и этим... недоразумением. Она окинула его ледяным взглядом с головы до ног. Высокий, под два метра. Плечистый. Под тонкой тканью халата угадывались крепкие мышцы. Из-под ватной бороды виднелись плотно сжатые губы с чуть насмешливой складкой в уголке. А глаза... Глаза были неожиданно яркими, светло-карими, почти медовыми, и смотрели на нее с откровенным, наглым любопытством.

– Тяжелый денек, Снегурочка? – хмыкнул он, окидывая ее ответным взглядом, который почему-то заставил ее почувствовать себя голой под строгим костюмом. Его взгляд не скользнул – он прошелся. По линии шеи, по ложбинке между ключицами, выглядывающей из-под расстегнутой пуговицы, задержался на груди, спустился к узкой талии и бедрам.

Алина вскинула подбородок.

– Я не Снегурочка. И мы с вами не знакомы, – отчеканила она.

– А жаль, – он ухмыльнулся. Ухмылка была обезоруживающей и бесила еще больше. – Я Кирилл. А вы, я так понимаю, работаете до последнего, чтобы заслужить подарок от Дедушки?

Он подмигнул. Это было так пошло, так избито, что Алина почувствовала, как к щекам приливает кровь от раздражения.

– Мое рабочее время вас не касается. Так же, как и моя личная жизнь.

– О, какие мы серьезные, – протянул он, прислоняясь к стене лифта и скрепя руки на груди. – Не любите Новый год?

– Ненавижу, – выплюнула она, сама удивляясь собственной резкости.

– А я обожаю! – он широко улыбнулся. – Лучшее вре-

мя, чтобы заработать на пиво и порадовать детишек. Ну, или не совсем детишек. Еду с корпоратива юридической фирмы. Такие снегурочки там были, закачаешься! Но все какие-то... скучные. Не то что вы. В вас перчинка чувствуется.

Он снова оглядел ее, и в этот раз в его взгляде было что-то такое, от чего низ живота на мгновение свело странной, незнакомой судорогой. Она тут же подавила это ощущение. Гнев. Это был просто гнев.

Лифт проехал сороковой этаж. Тридцать девятый.

– Вы не могли бы просто помолчать до конца поездки? – попросила она, глядя на светящиеся цифры над дверью.

– Мог бы. Но не хочу, – он оттолкнулся от стены и сделал шаг к ней. Пространство в кабине мгновенно сжалось. Его запах – коньяк, хвоя и что-то еще, простое, мужское, – окутал ее. – Вам скучно, мне скучно. Почему бы не скрасить последние минуты уходящего года приятной беседой?

– Потому что я не вижу в вас приятного собеседника. Я вижу в вас пьяного аниматора в дурацком костюме.

Ее слова должны были его задеть, но он лишь рассмеялся.

– В точку. Кроме слова «пьяный». Я – выпивший. Это разные состояния души. И потом, костюм – это всего лишь рабочая форма. Под ним, – он понизил голос, и тот стал бархатным, интимным, – скрывается много чего интересного.

В этот момент лифт дернулся. Раз, другой. Затем раздался скрежет, и кабина резко остановилась, погрузившись в полумрак. Загорелась лишь одна тусклая аварийная лампочка под потолком.

Цифры над дверью погасли.

Они застряли.

Тридцать первого декабря. За час до Нового года. Вдвоем. В металлической коробке где-то между тридцать седьмым и тридцать шестым этажами.

– Вот черт, – выдохнул Кирилл, теряя свою напускную браваду.

А Алина почувствовала, как ледяные пальцы паники сжимают ее горло. Она ненавидела Новый год. Но, кажется, он решил доказать ей, что это чувство может быть взаимным. И очень, очень сильным.

Глава 2. Очень плохой Санта

Кирилл почесал под бородой. Точнее, под тем комком синтетической ваты, который по недоразумению назывался бородой. Она кололась, как сосновый еж, лезла в рот и пахла антресолю, где пролежала последний год. Он сдернул ее и швырнул на диван, заваленный одеждой, старыми журналами и пустой коробкой из-под пиццы. Свобода.

Его съемная однушка на окраине была антиподом мира, из которого он только что сбежал. Никакого стерильного минимализма. Здесь царил уютный, творческий хаос. Гирлянда с разноцветными лампочками висела на карнизе круглый год, потому что снимать ее было лень, а с ней как-то веселее. На подоконнике умирал в горшке кактус, который он периодически пытался реанимировать пивом. На стене висел постер с Дэдпулом в шапке Санта-Клауса. Родственная душа.

– Хо-хо-хо, твою мать, – пробормотал Кирилл в пустоту, стягивая с себя красный тулуп. Под ним обнаружилась простая черная футболка и джинсы.

Еще один корпоратив отработан. Еще тридцать тысяч рублей упали на карту. Легкие деньги. Ну, почти. Таскать на себе этот синтетический ад, потеть под светом софитов и

выслушивать пьяные откровения менеджеров среднего звена было тем еще испытанием. Но Кирилл относился к этому философски. Новый год – это его личная золотая лихорадка. Две недели интенсивной «дедморозовщины» – и можно спокойно жить пару месяцев, не думая о том, где взять денег на аренду, крафтовое пиво и новые струны для гитары.

Его план на жизнь был прост, как три копейки: не напрягаться. Он перепробовал все – был бариста, курьером, даже пытался вести блог про уличную еду. Но нигде не задерживался надолго. Любая рутина, любой график с девяти до шести вызывали у него клаустрофобию. А вот быть Дедом Морозом – это было другое. Это была игра. Две недели в году он мог быть кем угодно: весельчаком, волшебником, немного мошенником. Он надевал красный костюм, как супергеройский плащ, и шел творить добро. Ну, или то, что ему заказывали.

Сегодняшний заказ был из разряда «лакшери». Юридическая фирма «Фемида и Партнеры» в самом сердце Сити. Небоскреб, от вида которого кружилась голова. Дресс-код для гостей – black tie. А для него – красный тулуп и валенки. Он чувствовал себя там деревенским дурачком на приеме у королевы.

Он прошелся по комнате, разминая затекшие плечи.

Включил старенький ноутбук, из колонок полился хриплый блюз. Идеальный саундтрек для подведения итогов дня. На столе его ждал главный трофей – початая фляжка с коньяком. Он отвинтил крышку, сделал хороший глоток. Тепло обожгло горло и огненной волной прокатилось по телу, смывая усталость и остатки чужого праздника.

В программе на вечер был еще один выезд. Последний, самый жирный. Корпоратив IT-гиганта в том же самом бизнес-центре. «Sky Solutions». Гонорар – пятьдесят тысяч за два часа. За такие деньги он был готов не только стишки слушать, но и джигу с оленями сплясать. А после – свобода. Он уже договорился с друзьями встретиться в их любимом баре «Синяя борода». Пропустить по паре стаканов чего-нибудь крепкого, съесть бургер и встретить полночь без всей этой мишуры и фальшивых улыбок. Просто, по-человечески.

Телефон пиликнул. Сообщение от заказчика: «Кирилл, вы где? Мы начинаем через час. Сорок пятый этаж, переговорная «Юпитер». Не опаздывайте!»

– Уже лечу, мои хорошие, – пробормотал он, глядя на свое отражение в темном экране ноутбука. Взъерошенные темные волосы, легкая щетина, уставшие, но смеющиеся глаза. Он подмигнул сам себе. Пора снова надевать доспехи.

Он снова натянул красный халат, который уже успел пропитаться его собственным запахом, приправленным коньячным амбре. Поправил кушак. Снова водрузил на подбородок колючего ежа. Нахлобучил шапку. Взял в руки посох – обычную палку, обмотанную фольгой, – и гигантский красный мешок, набитый пенопластом для объема. Внутри, в потайном кармане, лежало то, ради чего все и затевалось, – несколько дорогих подарочных наборов для топ-менеджеров.

Выходя из квартиры, он бросил взгляд на гирлянду. Она подмигнула ему желтым огоньком. «Удачи, старик», – как бы говорила она.

Такси ползло по заснеженным улицам, увязнув в предновогодних пробках. Кирилл смотрел в окно на суетящихся людей с пакетами, на сияющие витрины, на падающий снег. Он любил эту атмосферу. Не за волшебство, в которое давно не верил, а за энергию. Город гудел, как огромный улей, пьяный от предвкушения. И он был частью этого гула. Не офисным планктоном, запертым в стеклянной банке, а свободной пчелой, летящей на самый сладкий нектар.

Наконец, такси подкатило к знакомому небоскребу. Стекло-железный монстр, протыкающий низкое серое небо. Кирилл расплатился, взвалил мешок на плечо и двинулся ко вхо-

ду. Охранник на ресепшене, уже привыкший к его визитам, лишь лениво кивнул.

– Опять на смену, Дедушка?

– А то! Детишки заждались, – басом пророкотал Кирилл, входя в роль.

«Детишкам» было в среднем по сорок лет, и интересовали их не подарки, а бесплатный алкоголь и возможность ущипнуть Снегурочку за задницу. Роль Снегурочки сегодня исполняла девушка из их эвент-агентства, миловидная блондинка по имени Света. Она уже ждала его у лифтов, нервно теребя в руках папку со сценарием.

– Кирилл, ну наконец-то! Я уж думала, ты не приедешь! – зашептала она. – Там такой пафос, я боюсь слово не то сказать.

– Расслабься, Светлячок, – он ободряюще подмигнул ей. – Главное – улыбайся и хлопай ресницами. И помни, чем глупее шутка, тем громче они смеются. Проверено.

Они поднялись на сорок пятый этаж. Двери лифта разъехались, и их оглушил гул сотен голосов и громкая музыка. Переговорная «Юпитер» больше походила на бальный зал.

Панорамные окна во всю стену, накрытые столы, с которых ломились яства, и толпа людей в дорогих костюмах и вечерних платьях. Офисные русалки и акулы бизнеса, выпущенные на волю.

Следующие полтора часа прошли как в тумане. Он отыграл свою программу на автомате. Громогласное «Здравствуйте, детишки!», хоровод вокруг елки (настоящей, пахнущей хвоей и деньгами), дурацкие конкурсы с перекачиванием мандаринов без помощи рук. Он сыпал бородатými анекдотами, флиртовал с бухгалтершами бальзаковского возраста, которые таяли от его комплиментов, и пожимал влажные руки топ-менеджеров, вручая им подарки. Его фляжка, спрятанная в глубоком кармане тулупа, была его верным спутником, теплым якорем в этом море фальшивого веселья. Каждый раз, когда он делал вид, что поправляет бороду, он успевал сделать маленький глоток. Жидкая храбрость.

Наконец, официальная часть закончилась. Ведущий объявил дискотеку, и толпа радостно хлынула на танцпол. Его миссия была выполнена. Заказчик, полный мужчина с красным лицом и дорогими часами, сунул ему в руку конверт.

– Отлично отработал, Дед! С душой!

«Еще бы, за такие-то деньги», – подумал Кирилл, а вслух

прогудел:

– Рад стараться! С наступающим вас!

Он подхватил свой пустой мешок и двинулся к выходу, лавируя между танцующими телами. Света уже переоделась в джинсы и свитер и ждала его у лифта.

– Ну все, я побежала, меня парень ждёт. Спасибо за поддержку! – она чмокнула его в щетинистую щеку и скрылась в подошедшем лифте.

Кирилл остался один. Он стянул с головы шапку, провел рукой по влажным волосам. Чувствовал себя выжатым, но довольным. В конверте приятно шуршали купюры. Впереди – бар, друзья и заслуженный отдых. Он нажал кнопку вызова.

Рядом открылись двери соседнего лифта. Он мельком глянул на табло – тот ехал вверх. Кирилл дождался своего. Двери из полированной стали бесшумно поползли в стороны. Он шагнул внутрь и только потом понял, что кабина не пустая.

В дальнем углу, словно пытаясь слиться со стеной, стояла женщина.

И внутри что-то щелкнуло. Как старый замок, к которому внезапно подобрали ключ.

Она была полной противоположностью тех разряженных, хихикающих женщин, от которых он только что сбежал. Строгий брючный костюм цвета грозового неба сидел на ней как влитой, подчеркивая каждый изгиб. Никаких блесков, никакой мишуры. Только идеальные линии, холодная элегантность и... напряжение. Она вся была как натянутая струна. От тугого пучка темных волос на затылке до острых носов лодочек на убийственной шпильке.

Ее запах ударил первым, еще до того, как он успел ее рассмотреть. Что-то терпкое, цитрусовое, с древесными нотами. Бергамот и озон. Запах дорогих проблем и больших амбиций. Он перебивал его собственный аромат хвои и коньяка, врвался в легкие, будоражил.

Двери начали закрываться. Кирилл, повинувшись какому-то иррациональному импульсу, вдруг понял, что не хочет, чтобы они закрывались. Что он хочет остаться здесь, в этой коробке, с этой незнакомкой. Но он не успел ничего сделать. Он уже был внутри.

Он нажал на кнопку паркинга – «P1». Она, кажется, нажала ее раньше. Ее палец – длинный, с безупречным мани-

кюром – замер на панели.

Он прислонился к стене, позволяя себе рассмотреть ее по-лучше. В тусклом свете лифта ее кожа казалась фарфоровой. Четко очерченные скулы, прямой нос, упрямый подбородок. Но больше всего его зацепили губы. Ярко-красные, вызывающие, они были единственным цветовым акцентом в ее строгом образе. И она их нервно поджимала.

А потом он поймал ее взгляд в зеркальной стене. Всего на долю секунды. Темные, почти черные глаза, в которых плескалась такая вселенская усталость и злость, что ему стало смешно. Эта женщина явно провела день не на корпоративе. Она была на войне. И, кажется, победила, но победа не принесла ей радости.

Ему захотелось ее встряхнуть. Растормошить. Сорвать с нее эту маску ледяной королевы и посмотреть, что под ней. Огонь или еще больший холод?

– Тяжелый денек, Снегурочка? – голос прозвучал ниже и хриплее, чем он планировал. Коньяк делал свое дело, добавляя в тембр бархата.

Его взгляд прошелся по ней, как умелые пальцы по клавишам рояля. Он не просто смотрел, он впитывал. Линию шеи,

изящную и беззащитную. Ложбинку между ключицами, которая открылась благодаря расстегнутой верхней пуговице блузки. Он на секунду представил, как прижимается к этому месту губами, чувствуя вкус ее кожи. Взгляд скользнул ниже, оценивая высокую грудь, туго обтянутую шелком, тонкую талию, крутые бедра. Под строгой тканью угадывалось тело. Гибкое, сильное, женственное. Тело, которое давно не знало расслабления.

Она вскинула подбородок, и ее взгляд ударил, как разряд тока. Холодный, презрительный, оценивающий.

– Я не Снегурочка. И мы с вами не знакомы, – отчеканила она. Голос ровный, безэмоциональный, как у робота-дипломата.

Его это только раззадорило. Он ухмыльнулся.

– А жаль. Я Кирилл. А вы, я так понимаю, работаете до последнего, чтобы заслужить подарок от Дедушки?

Он подмигнул. Это была дешевая провокация, он знал это. Но ему отчаянно хотелось увидеть на этом безупречном лице хоть какую-то живую эмоцию, кроме ледяного раздражения. И он ее получил. Легкий румянец проступил на ее скулах. Победа.

– Мое рабочее время вас не касается. Так же, как и моя личная жизнь.

– О, какие мы серьезные, – протянул он, наслаждаясь моментом. – Не любите Новый год?

– Ненавижу, – выплюнула она. И в этом слове было столько искренней, неподдельной ненависти, что он чуть не расхохотался. Наконец-то. Что-то настоящее.

– А я обожаю! – он искренне улыбнулся. – Лучшее время, чтобы заработать на пиво и порадовать детишек. Ну, или не совсем детишек. Еду с корпоратива юридической фирмы. Такие снегурочки там были, закачаешься! Но все какие-то... скучные. Не то что вы. В вас перчинка чувствуется.

Он снова оглядел ее, уже не скрывая своего интереса. Она была как айсберг, под которым он интуитивно чувствовал скрытый вулкан. И ему нестерпимо захотелось устроить этому вулкану извержение.

– Вы не могли бы просто помолчать до конца поездки? – ее голос дрогнул. Едва заметно, но он услышал.

Это было приглашение. Он был уверен.

– Мог бы. Но не хочу, – он оттолкнулся от стены и сделал шаг к ней. Всего один шаг. Но в тесном пространстве лифта это было равносильно вторжению в личное пространство. Он оказался достаточно близко, чтобы видеть, как расширились ее зрачки. Чтобы ее сложный парфюм смешался с его простым запахом, создавая какой-то сумасшедший, пьянящий коктейль. – Вам скучно, мне скучно. Почему бы не скрасить последние минуты уходящего года приятной беседой?

– Потому что я не вижу в вас приятного собеседника. Я вижу в вас пьяного аниматора в дурацком костюме.

Остра на язык. Это ему нравилось. Это заводило сильнее, чем любые откровенные наряды.

– В точку. Кроме слова «пьяный». Я – выпивший. Это разные состояния души. И потом, костюм – это всего лишь рабочая форма. Под ним, – он понизил голос до шепота, наклоняясь чуть ближе, словно собирался открыть ей страшную тайну, – скрывается много чего интересного.

Он видел, как она сглотнула. Видел, как напряглась жилка на ее шее. Она была на грани. Между желанием вlepить ему пощечину и... чем-то еще. Чем-то, что она отчаянно пыталась скрыть.

И в этот момент мир содрогнулся.

Лифт дернулся раз, потом еще раз, с отвратительным скрежетом металла о металл. Кабина резко остановилась. Основной свет погас, и их накрыла вязкая, почти осязаемая темнота, которую лишь слегка разгоняла одинокая, тусклая аварийная лампочка под потолком. Она отбрасывала на их лица резкие, уродливые тени.

Цифры этажей над дверью исчезли. Наступила оглушающая тишина.

Весь его план на вечер – бар, друзья, бургеры – рассыпался в прах. Он застрял. В канун Нового года. В железной клетке. С самой злой, самой сексуальной и самой непредсказуемой женщиной, которую он когда-либо встречал.

– Вот черт, – выдохнул он, и бравада моментально слетела с него, как мишура с новогодней елки.

Простой, как три копейки, план на вечер только что превратился в очень, очень сложную проблему. Или в самое интересное приключение в его жизни. Он еще не решил.

Глава 3. Лифт вниз (и на дно)

Тишина.

Вот что ударило первым. Не темнота, не толчок, а внезапная, абсолютная тишина. Та, что бывает только в звукозаписывающих студиях или в могиле. Густой, осязаемый вакуум, в котором ее собственное сердце забилося так оглушительно, что, казалось, могло расколоть ребра.

Один удар. Второй. Третий. Па-бам. Па-бам. Животный, первобытный ритм страха.

Темнота была не просто отсутствием света. Она была густой, вязкой, как остывшая смола. Она заполнила кабину, просочилась в легкие, лишила ориентации в пространстве. Алина инстинктивно выставила руки вперед, и кончики ее пальцев уперлись в холодную, гладкую поверхность зеркальной стены. Это был якорь. Единственная реальная вещь в этом кошмаре.

Ее мозг, натренированный годами аналитической работы, отчаянно пытался взять ситуацию под контроль. Он раскладывал панику по полочкам, присваивал ей теги, строил графики.

Переменная №1: Местоположение. Металлическая коробка, три на три метра, висящая в шахте небоскреба где-то

между тридцать седьмым и тридцать шестым этажами.

Переменная №2: Время. Примерно двадцать три ноль пять, тридцать первое декабря. Время, когда все нормальные люди уже режут салаты, а все аварийные службы – уже пьют шампанское.

Переменная №3: Компания.

И вот на этой переменной ее аналитический аппарат дал сбой. Потому что рядом с ней в этой смоляной темноте находился он. Источник запаха, который сейчас, в замкнутом пространстве, стал почти невыносимым. Смесь дешевого коньяка, пота, синтетической хвои и чего-то еще – простого, теплого, мужского. Этот запах был антитезой ее собственному миру, пахнущему бергамотом и стерильностью. Он вторгался в ее личное пространство, в ее легкие, в ее мысли. Он был слишком живым. Слишком настоящим.

Тусклая аварийная лампочка под потолком моргнула раз, другой и зажглась, заливая кабину больничным, мертвым светом. Он был хуже полной темноты. Он выхватывал детали, от которых хотелось зажмуриться. Пыльные разводы на зеркале. Царапину на деревянной панели. И его лицо.

Без дурацкой бороды, которую он, видимо, сдернул в момент толчка и теперь держал в руке, он выглядел... иначе. Моложе. Опаснее. Легкая щетина на скулах и подбородке. Резкая линия челюсти. Губы, которые она даже в этом убогом свете отметила как вызывающе-чувственные. И глаза.

Медовые, с черными точками зрачков, они смотрели на нее без тени паники. Только с досадой и... любопытством. Будто она была не товарищем по несчастью, а интересной головоломкой, которую ему подкинули от скуки.

– Вот черт, – его голос, лишенный напускной дедморозовской басовитости, прозвучал в оглушающей тишине хрипло и неожиданно интимно.

Паника, которую Алина до этого момента успешно держала на коротком поводке логики, рванулась, оскалив клыки. Она бросилась к панели управления. Ее пальцы, которые час назад без единой ошибки вбивали в таблицу шестизначные числа, теперь дрожали. Кнопка вызова диспетчера. Желтый кружок с нарисованным колокольчиком. Она нажала на него. Раз. Два. Три. С силой, вдавливая пластик, словно пыталась протолкнуть свой сигнал тревоги сквозь тонны бетона и стали.

Тишина. Ни треска в динамике, ни ответа. Ничего.

– Эй, полегче, Снежная Королева, ты сейчас дырку в ней сделаешь, – раздался за спиной его насмешливый голос. – Не думаю, что в смете на ремонт лифта заложены расходы на твой маникюр.

Алина резко обернулась.

– У вас есть предложения получше? Может, споете новогоднюю песенку? Вдруг он сжалится и поедет?

– Можно попробовать, – он ухмыльнулся, и в уголке его глаза собрались смешливые морщинки. – «В лесу родилась елочка», как тебе? Или сразу перейдем к тяжелой артиллерии? «Рюмка водки на столе»? Судя по твоему лицу, тебе бы сейчас не помешало.

Она проигнорировала его выпад, хотя внутри все кипело от ярости. Этот человек был невыносим. Он был ходячим воплощением всего, что она презирала: безответственности, панибратства, дешевого гедонизма. Она отвернулась и снова принялась терзать кнопку вызова.

– Да брось ты, – сказал он уже другим тоном, без издевки. – Тридцать первое декабря, одиннадцать вечера. Там сидит такой же охранник, как и на входе, и смотрит «Иронию судьбы» в обнимку с бутылкой. Даже если он услышит наш писк, он решит, что это помехи в телевизоре.

Он был прав. Чертовски прав, и от этого она злилась еще сильнее. Она опустила руку, чувствуя себя абсолютно беспомощной. Впервые за много лет она столкнулась с ситуацией, которую не могла контролировать. Которую нельзя было просчитать, проанализировать и решить с помощью идеаль-

но составленной таблицы.

– Прекрасно, – выдохнула она, отступая от панели и при-
слоняясь спиной к холодной стене. Металл охлаждал сквозь
тонкую ткань блузки. – Просто. Блять. Прекрасно.

Он присвистнул.

– Ого! Снежная Королева ругается. Значит, лед тронулся,
господа присяжные заседатели.

Алина смерила его уничтожающим взглядом.

– Если вы немедленно не заткнетесь, я вам этот ваш крас-
ный халат на голову натяну.

– М-м-м, звучит интригующе, – протянул он, делая шаг
к ней. Алина напряглась. Пространство между ними сокра-
тилось до неприличного. Теперь она могла разглядеть кро-
шечный шрам у него над бровью и то, как подрагивают его
ресницы. Длинные, как у девчонки. – Но давай договоримся.
Ты перестанешь паниковать и ломать казенное имущество, а
я перестану тебя подкалывать. Хотя бы минут на пять. Идет?

Она молчала, сверля его взглядом.

– Ладно, на три, – он протянул ей руку. Большую, с длин-
ными пальцами и сбитыми костяшками. Рука человека, ко-

торый работал не только языком. – Мир? Меня Кирилл зовут, кстати.

Алина смотрела на его ладонь, как на змею. Прикоснуться к нему казалось чем-то... неправильным. Опасным. Но и висеть в этой враждебной тишине было невыносимо. Она чуть заметно кивнула, проигнорировав протянутую руку.

Он хмыкнул, но руку убрал.

– Ну, как скажешь. Алина, верно?

Она вздрогнула.

– Откуда вы знаете?

– Слышал, как твоя ассистентка – та, со звенящими шарами в ушах, – называла тебя по имени-отчеству, когда я мимо вашего опенспейса проходил. Алина Андреевна. Звучит солидно. Как название линкора. «Линкор Алина Андреевна выходит в открытое море годового отчета».

Несмотря на всю злость, уголок ее губ дрогнул. Она тут же подавила эту предательскую эмоцию.

– Вы еще и подслушиваете?

– Наблюдаю, – поправил он. – Это часть работы. Дед Мороз должен знать, кто вел себя хорошо, а кто – не очень. Ты,

судя по всему, вела себя очень-очень хорошо. Слишком хорошо. До тошноты правильно. Это утомляет, знаешь ли.

Он достал из кармана телефон. Экран осветил его лицо снизу, делая его похожим на персонажа из фильма ужасов. Он провел пальцем по дисплею.

– Так я и думал. Ни одной «палки». Мы в мертвой зоне. Железобетонный саркофаг.

Алина тоже достала свой айфон. Последняя модель, ее гордость и рабочий инструмент. На экране горела унылая надпись: «НЕТ СЕТИ». Она открыла список Wi-Fi сетей. Пусто. Конечно. Это же лифт. Глупо было даже надеяться.

Она убрала телефон в сумочку, чувствуя, как последняя ниточка, связывающая ее с цивилизацией, оборвалась. Они были вдвоем. В абсолютной изоляции. В консервной банке, подвешенной между небом и землей.

Кирилл, тем временем, без всякого стеснения плюхнулся на свой красный мешок, который издал глухой, мягкий звук. Он расстегнул ворот халата, откинул голову назад, прислонившись к стене, и прикрыл глаза.

– Что ж. Похоже, Новый год мы встречаем здесь. Не самая плохая компания, если подумать. Могло быть и хуже.

– Например? – не удержалась она от сарказма.

– Например, я мог застрять здесь с Виктором Павловичем, – не открывая глаз, сказал он.

Алина замерла.

– Вы знаете Виктора Павловича?

– А кто ж его не знает? – Кирилл открыл один глаз и посмотрел на нее. – Полный мужик с дорогими часами и повадками борова, который дорвался до трюфелей. Он мне гонорар выдавал. Судя по тому, как он на тебя смотрел, когда ты проходила мимо их переговоров, он на тебя имеет большие планы. Не только карьерные.

Внутри у Алины все похолодело. Этот аниматор, этот раздолбай в дешевом костюме видел больше, чем вся ее команда аналитиков. Он считал ее на раз-два. И это было униительно.

– Это вас не касается, – ледяным тоном произнесла она.

– Да мне-то пофиг, – он пожал плечами. – Просто совет от Деда Мороза. Не позволяй таким, как он, пачкать твой линкор. Он его потопит.

Он снова замолчал. И в этой тишине Алина вдруг услышала звук. Тонкий, едва различимый. Бульк. Она подняла глаза. Он достал из внутреннего кармана халата плоскую металлическую фляжку, отвинтил крышку и сделал хороший, длинный глоток. Его кадык дернулся раз, другой. Она невольно проследила за этим движением. Что-то в этом простом, мужском жесте было до неприличия откровенным.

Он выдохнул, и по кабине разнесся еще более густой запах коньяка. Он посмотрел на нее, и в его глазах блеснул чертенок.

– Будешь? Для храбрости. Или для смирения. Убивает микробов и дурные мысли.

– Я не пью с незнакомцами, – отрезала она.

– Ну, во-первых, мы уже знакомы. Я – Кирилл, ты – Алина Андреевна. Во-вторых, через пару часов совместного застолья мы будем знать друг о друге больше, чем наши бывшие. А в-третьих...

Он замолчал, прислушиваясь. Алина тоже прислушалась. И услышала.

Громкое, отчаянное урчание, которое издал ее собственный желудок. Звук был таким громким и неприличным в этой звенящей тишине, что казалось, будто в лифте просну-

ся третий пассажир – голодный и очень недовольный медведь.

Кровь бросилась ей в лицо. Она почувствовала, как горят щеки, уши, шея. Она, Алина Воронцова, чье тело было выдрессированным, подчиненным разуму механизмом, была предана самым низменным образом. Собственным кишечником.

Кирилл смотрел на нее секунду, потом его губы дрогнули, и он разразился смехом. Не злым, не издевательским. А искренним, громким, заразительным. Он хохотал, запрокинув голову, и от этого смеха, казалось, вибрировали стены лифта.

– Прости... прости, не могу, – выговорил он, вытирая выступившую слезу. – Линкор «Алина Андреевна» подает сигнал SOS. Требуется дозаправки.

Она хотела его убить. Испепелить взглядом. Но вместо этого просто стояла, заливаясь краской, и желала провалиться сквозь пол этой чертовой кабины.

Он, отсмеявшись, вдруг посерьезнел. Порылся в своем необъятном мешке, шурша пенопластом, и извлек оттуда... слегка помятый батончик «Сникерс». Он протянул его ей.

– Держи. Ты – не ты, когда голодна. Реклама не врет.

Она смотрела на шоколадку, как на гранату без чеки. Ее гордость вопила: «Не бери!». Но ее желудок исполнял такой жалобный плач, что игнорировать его было невозможно. Последний раз она ела... когда? Утром? Чашку черного кофе и половину протеинового батончика. Весь день она питалась только нервами и кофеином.

Ее рука сама собой потянулась вперед. Пальцы коснулись его пальцев, когда она брала батончик. Его кожа была горячей и сухой. Ее – холодной и влажной. От этого мимолетного контакта по ее руке пробежал электрический разряд, слабый, но отчетливый. Она резко отдернула руку, словно обжегшись.

Она разворачивала шуршащую обертку. Звук в тишине лифта казался оглушительным. Она откусила кусок. Шоколад, нуга, карамель и арахис. Вкус был приторно-сладким, простым, почти детским. Но в этот момент он показался ей самой изысканной едой на свете. Она ела быстро, жадно, стараясь не смотреть на него, но чувствуя его пристальный, изучающий взгляд.

– Так-то лучше, – тихо сказал он, когда она проглотила последний кусок. – А то у тебя во взгляде было столько вселенской скорби, будто ты не годовой отчет сдала, а продала душу дьяволу. Хотя, в случае с Виктором Палычем, это при-

мерно одно и то же.

Она скомкала обертку в кулаке. Сахар ударил в кровь, проясняя мысли и возвращая способность к сарказму.

– А вы, я смотрю, эксперт по продаже души?

– Не-а, – он снова отпил из фляжки. – Я свою не продаю. Сдаю в аренду. Почасовая оплата. Сегодня я – Дед Мороз. Завтра могу быть кем угодно. Хочешь, буду твоим личным психотерапевтом? Первый сеанс – бесплатно, в счет форс-мажора. Расскажи мне, Алина Андреевна, что вас гложет? Кроме голода и ненависти к Новому году.

Он смотрел на нее с такой обезоруживающей прямоотой, что у нее на секунду перехватило дыхание. Она привыкла к играм, к намекам, к двойному дну в каждом разговоре. А он был... простым. Как этот «Сникерс». Что на уме, то и на языке.

– Вас это не должно волновать, – сказала она, но уже без прежней ледяной уверенности.

– Меня все волнует, – он наклонился вперед, поставив локти на колени. Его поза стала более собранной, хищной. Аварийный свет падал на его лицо, очерчивая скулы и тень от ресниц. – Особенно меня волнует, почему такая женщи-

на, как ты, — он сделал паузу, давая словам впитаться в воздух, — в канун Нового года сидит в офисе, а не пьет шампанское где-нибудь на Бали. Или хотя бы в объятиях любимого мужчины.

— Возможно, потому что у меня нет ни того, ни другого, — вырвалось у нее раньше, чем она успела подумать.

Черт. Зачем она это сказала? Она никогда и ни с кем не говорила о личном. Это было ее табу. Ее броня. А этот скомоорох в красном халате за полчаса проделал в ней брешь своим дурацким батончиком.

Он не стал ее жалеть. Не сказал банальное «все наладится». Он просто кивнул, словно принял к сведению важный факт.

— Бывает. Зато у тебя есть карьера. Идеальный костюм. И взгляд, которым можно замораживать вулканы. У каждого свои приоритеты.

Именно в этот момент лифт снова дернулся.

На этот раз рывок был сильнее, резче. Раздался громкий, скрежещущий звук, будто гигантское чудовище скребло когтями по металлу. Кабина ощутимо накренилась вбок.

Алина не удержалась на ногах. Шпильки сыграли с ней

злую шутку. Она вскрикнула и полетела вперед, прямо на него.

Ее мир на несколько секунд превратился в калейдоскоп ощущений.

Запах его кожи, смешанный с коньяком, ударил в нос.

Ее ладони уперлись в его грудь, и сквозь тонкую футболку под халатом она почувствовала твердые, рельефные мышцы и гулкое биение его сердца. Оно стучало ровно и мощно, в отличие от ее собственного, которое готово было выпрыгнуть из груди.

Ее бедро прижалось к его бедру, и она ощутила жар его тела даже сквозь несколько слоев ткани.

Ее волосы, выбившиеся из тугого пучка, коснулись его щеки.

Он среагировал мгновенно. Его руки обхватили ее за талию, удерживая, не давая упасть. Его хватка была сильной, уверенной. Пальцы впились в ее бока, и она почувствовала их тепло сквозь шелк блузки и ткань юбки.

Они замерли в этой позе. Слишком близко. Неприлично близко. Она стояла на коленях между его разведенных ног, упираясь руками в его грудь. Ее лицо было в нескольких сантиметрах от его лица. Она видела свое испуганное отражение в его потемневших зрачках. Она чувствовала его горя-

чее дыхание на своих губах.

Время остановилось. Тишина вернулась, но теперь она была другой. Она не была пустой. Она была наполнена электричеством. Густая, звенящая, напряженная. Алина забыла, как дышать. Весь ее мир сузился до этого клочка пространства, до жара его рук на ее талии, до запаха его кожи, до звука его дыхания.

Ее мозг кричал: «Отстранись! Немедленно! Это неправильно!». Но ее тело не слушалось. Оно плавилось от его прикосновения. Что-то внутри нее, что она так долго и успешно подавляла, заперла в самой глубокой клетке, вдруг проснулось. Голодное, дикое, неуправляемое. И это был уже не тот голод, который можно было утолить шоколадным батончиком.

Он не двигался, давая ей возможность самой решить, что делать дальше. Но его взгляд... Он говорил все. Он скользнул с ее глаз на ее губы, и в нем не было ни насмешки, ни иронии. Только чистое, неприкрытое, животное желание. Такое же, какое, к своему ужасу, она чувствовала сейчас сама.

– Алина, – его голос был хриплым шепотом, который вибрировал в его груди и отдавался в ее ладонях.

И она поняла, что пропала. Ее линкор дал течь и стремительно шел на дно. И, что самое страшное, ей было совершенно все равно. Ей даже нравилось это погружение.

Глава 4. Неловкое молчание и слишком много тела

Его руки на ее талии были как раскаленные тиски. Не грубые, но абсолютно уверенные, не оставляющие ни малейшего шанса на сопротивление. Алина не знала, что шокировало ее больше: сам факт их прикосновения или то, что ее тело, ее предательское, изголодавшееся по тактильности тело, не хотело, чтобы он их убирал. Она ощущала каждый его палец сквозь тонкий шелк блузки. Пять точек обжигающего жара на своей коже, которые, казалось, прожигали ее насквозь, оставляя клеймо.

Ее лицо было так близко к его, что она видела себя в темном омуте его расширенных зрачков. Испуганную, растрепанную, с приоткрытыми от шока губами. Она видела, как его взгляд медленно, почти лениво, опустил с ее глаз на эти самые губы. В нем не было вопроса. В нем было утверждение. Намерение. Чистое, как спирт, и такое же горячее.

Воздух между ними загустел, превратился в кисель, в котором вязли мысли, звуки и остатки здравого смысла. Она чувствовала его дыхание — горячее, с привкусом коньяка и чего-то еще, неуловимо-пряного, — на своей коже. Оно ще-

котало, дразнило, обещало. В нос ударил его запах – уже не просто смесь хвои и алкоголя. Теперь она улавливала под этим маскарадным флером его собственный, первобытный запах. Запах чистого, разгоряченного мужского тела. И этот запах, простой и честный, сводил ее с ума куда сильнее любого дорогого парфюма.

Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Низ живота скрутило в тугой, сладкий узел, от которого по ногам растеклась горячая, обессиливающая волна. Она ненавидела это чувство. Ненавидела эту потерю контроля, эту унижительную зависимость от физиологии. Но бороться с ним было все равно что пытаться остановить лавину голыми руками.

Он тоже не дышал. Она видела, как напряглись мышцы на его шее, как заходили желваки под колючей щетиной. Его сердце под ее ладонью отбивало мощный, тяжелый ритм – там-там-там, – который входил в резонанс с ее собственным паническим тремором. Он был спокоен снаружи, но внутри него тоже бушевал шторм. Она это чувствовала. Кожей.

Мир схлопнулся до размеров этой металлической коробки. До жара его ладоней, до его запаха, до его взгляда, который раздевал ее медленнее и тщательнее, чем любые руки. Одна секунда растянулась в вечность. Вторая стала искуше-

нием. На третьей она поняла, что если он сейчас ее не поцелует, она сойдет с ума. И если поцелует – тоже.

Именно эта мысль, дикая и неуместная, стала для нее спасительным электрошоком.

– Пусти, – голос прозвучал хрипло и жалко, как у котенка, а не у руководителя аналитического отдела.

Он моргнул, словно выныривая из транса. Его взгляд на мгновение прояснился, в нем снова промелькнула насмешка, но она была какой-то неуверенной, защитной. Он разжал пальцы.

Ощущение внезапной пустоты и холода на ее талии было почти болезненным. Алина отшатнулась от него так резко, будто коснулась оголенного провода. Ее отступление было лишено всякой грации. Она споткнулась о собственный каблук на накренившемся полу, потеряла равновесие и неуклюже плюхнулась на пол, едва не заехав головой о стену. Ее безупречная юбка-карандаш задралась до середины бедра, обнажая полоску кружева на чулке и слишком много бледной, гладкой кожи.

– Осторожнее, линкор, – его голос был все еще хриплым, но уже привычно-ироничным. – В наших доках такой шторм,

что можно и на рифы сесть.

Унижение. Горячее, липкое, оно захлестнуло ее с головой. Она, Алина Воронцова, идеал самоконтроля и элегантности, сидела на грязном полу застрявшего лифта в позе испуганной первокурсницы, а перед ней, вальяжно развалившись на своем дурацком мешке, восседал этот... этот скоморох и отпускал идиотские шуточки про корабли.

Она рывком одернула юбку, чувствуя, как пылают щеки. Вскочила на ноги, опираясь о стену, и принялась лихорадочно себя отряхивать, будто пыталась стряхнуть невидимую грязь. Или воспоминание о его прикосновениях.

– Не смейте меня так называть, – процедила она сквозь зубы, не глядя на него. Смотреть на него было физически невозможно. Она боялась снова утонуть в его глазах.

– А как мне тебя называть? – в его голосе заиграли веселые нотки. Он явно наслаждался ее смущением. – Ваше Высокопревосходительство Повелительница Годовых Отчетов? Слишком длинно. Алина Андреевна? Слишком официально для тех, кто чуть не слился в страстном поцелуе в падающем лифте.

– Мы не «чуть не слились»! – ее голос сорвался на визг.

Она тут же взяла себя в руки. Глубокий вдох. Выдох. Контроль. — Я просто потеряла равновесие. А вы... вы воспользовались ситуацией.

— Воспользовался? — он искренне изумился. — Милая моя, если бы я «воспользовался ситуацией», ты бы сейчас не юбку свою одергивала, а пыталась бы собрать остатки своего нижнего белья по углам этой кабины. А я бы... — он сделал многозначительную паузу, — ...я бы тебе помогал. Неохотно.

Его слова были пошлыми, наглыми, за гранью. Но вместо того, чтобы возмутиться, Алина почувствовала, как по телу снова пробегает предательская дрожь. Ее воображение, услужливое и испорченное, в мельчайших деталях нарисовало картину, которую он описал. Картину, от которой между ног стало влажно и горячо.

Черт. Черт. Черт. Что он с ней делает?

Она отвернулась к двери, вцепившись в холодный металлический поручень. Нужно было что-то делать. Что-то, что вернет ее в реальность. Она снова нажала на кнопку вызова диспетчера. Потом еще раз. Тишина. Тогда она сжала ладонь в кулак и принялась колотить по стальной двери.

Бум. Бум. Бум.

Глухие, беспомощные удары.

– Эй! Есть здесь кто-нибудь?! – крикнула она, и ее голос эхом отразился от стен, возвращаясь к ней искаженным и жалким. – Помогите! Люди в лифте!

– Сомневаюсь, что они тебя услышат, – лениво протянул Кирилл из своего угла. – Звукоизоляция в таких гробах что надо. Чтобы всякие важные шишки могли спокойно обсуждать свои грязные делишки, не боясь быть подслушанными. Или не только обсуждать.

Алина проигнорировала его последнюю фразу. Она продолжала колотить по двери, вкладывая в каждый удар всю свою злость, страх и растерянность. Костяшки на пальцах начали саднить.

– Прекрати, – сказал он уже серьезнее. – Ты только руку себе повредишь.

– Это не ваше дело!

– Уже наше, – он вздохнул. – Если ты сломаешь себе палец, мне придется оказывать тебе первую помощь. А мои методы могут тебе не понравиться. Они включают в себя много... тесного контакта.

Она замерла, тяжело дыша. Он был прав. Это было бессмысленно. Она опустила руку и прислонилась лбом к холодной двери. Металл приятно охлаждал горящую кожу. Она чувствовала себя загнанной в угол. Запертой в клетке не только с ним, но и с собственными, внезапно проснувшимися демонами.

Наступило молчание. Неловкое, густое, наэлектризованное. Оно висело между ними, тяжелое, как свинцовое одеяло. Каждый шорох, каждый вздох был слышен так, будто его усилили через динамики. Она слышала, как скрипнула ткань его халата, когда он пошевелился. Слышала тихое бульканье, когда он снова приложился к своей фляжке. Она даже, казалось, слышала, как течет кровь в ее собственных жилах.

Кабина все еще стояла под небольшим наклоном. Чтобы сохранять равновесие, приходилось чуть сгибать колени. Кирилл, кажется, решил сменить позу. Он вытянул свои длинные ноги, и пространство, которое и так было в дефиците, исчезло совсем.

Она почувствовала это раньше, чем увидела. Тепло. Его колено в грубых джинсах коснулось ее бедра, обтянутого тонкой шерстью костюмной ткани. Просто касание. Случайное, неизбежное в этой консервной банке. Но для ее взвин-

ченных до предела нервов это было сродни удару тока.

Разряд прошел по всему телу, от точки контакта вверх, к самому затылку, заставляя волосы на шее встать дыбом, и вниз, к кончикам пальцев на ногах. Она застыла, боясь пошевелиться. Сквозь два слоя ткани она ощущала его тепло, твердость его костей, живую вибрацию его тела. Это было невыносимо. И невыносимо притягательно.

Она искоса посмотрела на него. Он сидел с закрытыми глазами, откинув голову на стену. Вид у него был абсолютно безмятежный. Но она заметила. Заметила, как напряглась мышца на его челюсти. Как его пальцы чуть сильнее сжали фляжку. Он тоже это почувствовал. И он тоже делал вид, что ничего не произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.